

А. А. Никонова

РОЛЬ МУЗЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современное гуманитарное знание стремится поспеть за макропроцессами социокультурного развития общества. Большие пространственные категории и скоростные изменения «взламывают» сознание обывателя. На уровне государственной политики и в средствах массовой информации совершаются попытки внедрения новых социокультурных (бытийных, экзистенциональных) доминант. Мы говорим и слышим о развитии того или иного региона, о региональной самобытности, политической и экономической самостоятельности региональных образований. Сам термин «регион» является не простой заменой прежнего административного деления на область, край, республику. Он кардинально меняет ментальные акценты, стимулируя и провоцируя новые структурные процессы в рамках глобальных изменений. Регион как дефиниция оказывается содержательно стерилен к ценностям традиционной культуры. Особенно если сравнивать его с исторически сформировавшимся термином «край». Край маркирует устойчивое понятие, он всегда самобытен и ассоциируется с личностным или родовым, но всегда глубоко индивидуальным отношением к исконному месту проживания. Он связан с местом рождения, с родом, домом и закреплен в народном фольклоре и искусстве в различных формах.

Следовательно, доминирование понятия регион в социокультурной практике маркирует динамику социокультурных тенденций развития государства и общества. Примечательным становится в этом процессе происходящее объединение взаимодействий различных территориальных структур, как в сфере экономики, так и в культуре, что напрямую изменяет и политические стратегии власти. Возможно и обратное влияние. Когда политические доминанты направлены на развитие в единстве именно экономики и культуры с целью легитимизации нового образования – региона. Однако нельзя не заметить, что данная ситуация возвращает нас к уже существовавшей модели территориальных контактов, а именно к хозяйственным и культурным взаимодействиям племен формирующихся этносов древности. Границы таких контактов определялись существовавшими природными границами: горными системами, пустынями, водоразделами, т.е. природными территориями. И если экономические и хозяйственные отношения устанавливаются значительно быстрее и имеют развитые формы, поскольку связаны с накоплением капитала, то культурные контакты имеют иную скорость освоения, зависимую от развития самосознания населения небольших территориальных единиц. Трудности российской модернизации в том и проявляются, что доминирование черт самобытности и национальных особенностей заменяется осмыслением нового понятия ментальной программы, в которой соединяются уровни универсального, коллективного и индивидуального. Осуществить такие фундаментальные изменения быстро невозможно, поэтому региональное самосознание, длительное время нацеленное на консер-

вативные формы существования, является сегодня определенным гарантом сохранения традиционной культуры.

Одновременно с региональными стратегиями развития в сферу активного осмысления включаются новые понятия: «культурная среда», «культурный регион», «микрорегион». Данные когнитивные образования несут в себе все характеристики общего понятия «регион». Культурные регионы (синоним термину «регион» с выделением одной доминанты – культурной) также не совпадают полностью с современным административно-территориальным делением, очерчивая в основном границы прошлых и современных культурных образований. Ареалы распространения тех или иных явлений культуры подвижны и обретают в этом случае относительную четкость лишь при обращении к культурно-исторической среде, рассматриваемой в ее влиянии на современные процессы формирования региональной специфики.

Культурная среда¹ или культурно-историческая среда, существующая в границах того или иного региона, понимается как определенный структурный уровень, с развитой сетью культурных учреждений, включающий все виды памятников различных эпох, в том числе природные объекты и культурный ландшафт. Такое сложное соотношение различных интернациональных и национальных черт в быту и образе жизни населения, культурных и природных объектов имманентно делает культурную среду конфликтной. При этом устойчивость ей придает не традиция в этнографическом понимании, а традиция определенной структуры культурных связей, традиция региональная, опирающаяся на наследование культурной практики и условий актуальной деятельности². Следовательно, культурная среда включает, с одной стороны, предметную среду, определенным образом организованные предметные результаты человеческой деятельности, с другой – формы отношения людей к природному окружению и реалиям общества и культуры. Культурная среда существует одновременно как бы в двух планах: реализованных и потенциальных возможностей, степень соответствия которых определяет характер и уровень развития культуры. Освоение прошлой, наследуемой культурной среды и приспособление ее к новым общественным потребностям создают весь спектр направлений современных культурных процессов.

Различные памятники, входящие в состав культурно-исторической среды, связаны между собой единством территории, и на ее базе они формируются в автономные надвременные образования – микрорегионы. Каждый из таких микрорегионов представляет собой самостоятельный мир, в котором внутренние связи преобладают над внешними и цикл «превращения вещества» относительно замкнут. Микрорегион с точки зрения исторической – явление уникальное, рождающееся на стыке природной и культурной среды. Результатом их взаимопроникновения и становится качественно новая природно-культурная

¹ Культурная среда – понятие, введенное представителем евразийского движения П. Н. Савицким (1895 – 1968) в статье «Евразийство» для сопоставления достижений развития одной культуры по отношению к другой при помощи рассмотрения по отраслям культуры. По его мнению, «культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться, и сплошь и рядом оказывается, высоко стоящей в других отраслях». Так, жители острова Пасхи отставали в своем культурном развитии от англичан, но в своей скульптуре они проявили такую «меру оригинальности и творчества, которая не доступна веянию современной Англии».

² Акулч Е. М. Музей и регион. Екатеринбург, 2004. С. 55

реальность. В ней каждый конкретный памятник определяется через микрорегиональный культурно-исторический контекст, и «территориальная принадлежность его приобретает не меньшее значение, чем принадлежность культурная или историческая» – отмечает В. Ю. Дукельский³.

Уникальность микрорегионального исторического контекста способствует легкости его трансформации и уничтожения. Показательными примерами данных процессов являются разрушение в современной культуре не только сельских связей и традиций, но и некоторых характерных черт городской культуры, в частности таких феноменов, как «повседневная культура Санкт-Петербурга – Ленинграда» или «московский стиль жизни». В настоящее время микрорегиональная специфика недостаточно задействована в развитии региональной культурной практики, поскольку в какой-то части она уничтожается современной практикой, в какой-то она законсервирована имманентными процессами. В этой связи оправданным становится возрастающее внимание к культурно-исторической среде как основному, а порой и единственному источнику региональной специфики. Но среда эта в условиях утраты традиций не существует вне общественной деятельности по освоению общего культурного наследия, включая сохранение и развитие микрорегионального уровня. В этом «замкнутом» круге современных проблем центрирующую роль должны и могут играть именно музеи, поскольку они не только вырабатывают интерес к прошлому, но и формируют ценностное отношение к культурному наследию, обладая выработанной системой критериев. Поэтому в начале XXI в. вновь встает отнюдь не новый вопрос о функциях или миссии регионального музея на современном этапе развития общества.

Сохранность культурного наследия во многом зависит от его оценки, понимания и восприятия последующими поколениями, но они не остаются неизменными. Культурный регион, формирующийся при взаимодействии природной и культурно-исторической среды и современной социокультурной практики, ставит перед музеем иные, чем прежде задачи. Музей, связанный с двумя системами культурной практики – прошлой и настоящей – сталкивается с задачей их соединения, но на новой методологической базе корреляции устоявшихся ценностей и врывающихся новаций. Только на первый взгляд тихие залы музейных экспозиций воспринимаются как метафора уединенного размышления о бывшем, а глубинный смысл фрагментарных историко-культурных сведений маркирует этапы борьбы и примирения различных культур. Следует заметить, что диалог культур в «мертвом» предметном мире – это довольно идеализированная позиция. В общении между собой вступают люди, по-разному оценивающие и осмысляющие реальность через предмет не только удаленный во времени, но чуждый им своей смысловой характеристикой. Чтобы понимать друг друга, необходимо установить некий общий консенсус относительно того, что разрешено, и того, что запрещено, т.е. актуализировать прошлое через современные коммуникативные каналы. Но даже технический прогресс в средствах коммуникации не всегда сопровождается прогрессом в самой коммуникации, в организации коммуникативных отношений

³ Дукельский В. Ю. Музей и культурно-историческая среда // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации и музейной деятельности. М., 1988. С. 110.

и формировании универсальных контекстов взаимопонимания. Здесь, бесспорно, значимым становится «человеческий фактор» или, вернее, высокий профессионализм, что соответствует уже знанию специализированных аспектов деятельности. Музейная деятельность нацелена на трансляцию знания, но не все формы тиражирования информации (реклама) служат усилению заметных качественных сдвигов ценностно-нормативного ранга. Конкретные формы общения в социально-культурной среде зависят как от наличия устойчивой сети каналов коммуникации, так и от организации самой личности, развития ее «Я», ее интенций и ориентаций в мире. Разрыв внешних каналов коммуникации компенсируется наращиванием схем внутренней коммуникации, диалога с собой, рефлексии. Уникальность музейного смыслового пространства в том и состоит, что оно позволяет соединить внешнюю (диалог культур) и внутреннюю (мое отношение к прошлому) формы коммуникации.

Именно в этом контексте в пространстве музея (и шире – памятника культуры) происходит формирование национального менталитета и, более того, постановка проблемы идентичности. Идентичность как результат становления чувства самоуважения и самобытности поддерживается через связь с прошлым, но важна в этом случае не сама констатация связи, а осознание и осмысление, и одновременно включенность во множество смыслов прошлого через умение и понимание образно-чувственного мира музейного пространства. С одной стороны, музей и его коммуникативные формы деятельности позволяют сконструировать национальную идентичность, утвердить национальные традиции и ценности. С другой стороны, следует учесть, что в век транснациональной политической интеракции национальные идентичности существенно видоизменяются. В результате функционирования масс-медиа, кинематографа и интернета в России интенсивно рекламируется потребление интернациональных жизненных стилей. На этом фоне практически любая национальная риторика теряет эффективность или подменяется иной государственной стратегией, опирающейся на формирование экономических критериев взаимодействия. Следовательно, самобытность исторического контекста культурно-исторической среды региона воспринимается лишь как знак прошлого, истории региона, но не как ментально-содержательная доминанта становления современного общества. Поскольку провинциальный музей сформировался как институт, ориентированный на сохранение и трансляцию местной (микрорегиональной) истории, его устоявшиеся методы извлечения предметов музейного значения из среды бытования или музеефикации отдельных памятников оказываются сегодня недостаточными для трансляции исторической памяти. Дифференциация культурно-исторической среды, представленной в музее, и той, в которой музей действует, имеет большие пространственные различия, в частности, региональные. Выход за рамки сложившихся тематических планов комплектования, научной обработки и экспонирования коллекций региональных музеев – трудная, но необходимая задача по освоению культурно-исторической среды региона.

Все необходимые содержательные элементы для этого процесса в музеях существуют. Музей и своим названием и содержанием своих фондов (материализованной исторической памятью) вносит историко-краеведческий аспект в культурное развитие региона. Кроме того, необходимо констатировать еще не утраченный (хотя и сниженный) интерес широких слоев населения к деятельности региональных музеев различно-

го профиля. Существующий устойчивый положительный образ музея позволяет использовать не только устоявшиеся формы деятельности, но и создавать специальные культурно-развлекательные программы, не подменяя другие культурные учреждения. В. Ю. Дукельский справедливо замечает, что это уже не прежний музей, не музей в обычном понимании этого слова. И если в советское время определяющим фактором в деятельности культурных учреждений была идеологическая установка власти, ограничивающая, но одновременно и облегчающая деятельность музея, то сегодня музеи оказались в ситуации сложного выбора между желаниями массового посетителя (в частности туриста), законодательными инициатива власти (автономные учреждения) и конкретными формами сохранения культурно-исторической среды региона.

Возникшие трудности разрешимы только непосредственной интеграцией музея в культурно-историческую среду. Но способы такой интеграции не должны заканчиваться лишь установлением очередного памятника или памятной доски, пышным и не всегда продуманным празднованием еще одной «круглой» даты, что является скорее рекламным мероприятием местной власти, нежели чем продуманной просветительской и культурной программой музея. Насильственное внедрение памятников в структуру настоящего превращается в нелепую разновидность забывания, ибо мы не видим, не замечаем их в культурном пространстве своего существования. Фундаментальное свойство прошлого быть утраченным стимулирует и разжигает необходимость воссоздания и восстановления потерянного, но обратные процессы, как утверждают ученые, не корректны по своей постановке, ибо неминуемо ведут к искажению и фальсификации. Возможно ли, овладеть методами различения этих сложных явлений в современной культуре, где идеологические штампы закрывают и искажают подлинный смысл «охранительной» функции культуры, без продуманной современной концепции музейной деятельности? Определенно, нет!

Музейная деятельность, понимаемая как деятельность общества по отношению к природному и культурному наследию, должна стать составной частью местных культурных процессов, а музейная сеть региона формироваться в самостоятельный культурно-хозяйственный комплекс. Хотя мы наблюдаем стимулирование властью в большей мере актуальных форм деятельности культурных институтов, несомненно, уровень культурного развития может быть использован также и для создания благоприятного образа конкретного региона и на туристском рынке, когда элементы и факторы культуры становятся каналами распределения информации о туристских возможностях местности. Сегодня массовый турист и местный музей являются антагонистами. Степень интеграция музея в культурно-историческую среду и будет определяться разработанными критериями уникальности регионального культурного наследия, следовательно, его востребованности и, одновременно, нормативными показателями регулирования туристических потоков. Еще одной существенной задачей краеведческого музея является выработка у местного населения стабильной характеристики ценностных критериев историко-культурного комплекса региона.

Подводя итог нашим размышлениям, можно сказать, что музей должен стать ведущим учреждением организации социокультурных процессов в границах того или иного региона, расширяя свою деятельность тематически и территориально, и создавая деятельную основу для функционирования региона как единого культурного организма.